

Глава 1

Те, кто никогда не был в нашем городе, обычно слышали о нем по двум причинам. В восьмидесятые один мужчина убил жену и детей, засунул тела в спальные мешки и вырезал свое лицо со всех фотографий. Он отменил доставку почты, сообщил в школу, что они всей семьей уезжают в отпуск, а потом исчез. По всему дому он оставил включенными лампочки, чтобы окна по вечерам светились — это дало ему фору. Но через месяц лампочки одна за одной перегорели, и соседи наконец вызвали полицию.

Впрочем, я не так уж хорошо знаю эту историю. В конце концов, это было задолго до моего рождения. Но дом так и стоит — такой же жуткий, как на черно-белых фотографиях в «Википедии». В какой-то момент его купили, но новые жильцы никогда не вешают во дворе гирлянды на Рождество и не ставят цветы на окна. Словно это какой-то компромисс — они купили дом вместе со всеми его призраками и обязались не выказывать радости оттого, что там живут.

Многие в Гленнон-Хайтс считают, что здание надо было снести. Можно оттереть кровь с пола, но это не отменит того, что здесь умерли люди. Когда стоишь напротив крыльца и хочешь подойти поближе, чувствуешь, как волоски на загривке приподнимаются и тебя охватывает зябкая дрожь, похожая на статическое электричество.

Я не верю в призраков в том виде, как люди обычно их себе представляют. Когда я прохожу мимо этого дома, то не думаю о полупрозрачных фигурах, снующих туда-сюда за окнами чердака. Холодная призрачная рука не опускается на мое плечо. Я скорее думаю, что когда люди испытывают действительно сильные переживания — самые худшие из возможных — эти чувства словно оставляют след в воздухе и на земле и не исчезают, даже когда исчезают сами люди. Так что снос дома не возымел бы никакого эффекта — смерть той семьи все равно навсегда оставила свой страшный отпечаток в этом месте, на самом городе.

Кроме того, если уж говорить о сносе, то одним этим домом не обойтись. Есть еще один, из-за которого Гленнон-Хайтс приобрел известность — тоже порождающий кошмары. Даже сейчас, проходя мимо, я чувствую, как внутри все леденеет. Это дом Донахью. Дом Часового. То, что в нем случилось, навеки оставило в воздухе след страха и уничтожило целую семью — как если бы они спокойно ужинали у себя дома, и здание вдруг пропахали бульдозеры.

Глава 2

Можно сказать, что о Часовом я знаю все. Как лучшая подруга Джейни Донахью, могу за это поручиться. С того самого утра, когда грузовик с вещами остановился перед их домом, и до начала учебы полтора месяца спустя мы с Джейни были практически неразлучны. Знаете, как это бывает, когда встречаешь человека, устроенного точно так же, как ты? И понимаешь его так, как никого и никогда раньше? Именно это случилось у нас с Джейни Донахью.

У меня, конечно, были подруги и до встречи с Джейни. Гленнон-Хайтс — небольшой городок, так что всем приходится друг с другом ладить. Наши мамы заставляют приглашать на день рождения всех своих одноклассников. Но из года в год в любом классе находится пара ребят, которые просто не способны выносить остальных. Помню, в детском саду таким человеком был Раф Круз — он настолько ненавидел громкие звуки, что весь год ходил в специальных наушниках. Сейчас, конечно, никто из нас не осмелится напомнить ему об этом. Раф уже

не тот — со своими вечно взъерошенными волосами и мотоциклом-внедорожником. Теперь аутсайдер у нас, пожалуй, Джулия Хабер — она никогда не стирает свои спортивные леггинсы и вечно грызет верхнюю губу, пока из нее не начинает сочиться кровь.

Я никогда не была на их месте и обычно передвигалась по школе в компании одинаково одетых и вечно болтающих подруг. Периодически состав менялся: «Кайя, Элли, Брук и я» превратились в «Брук, Элли и я», а потом — в «Элли, Кайя, Мирабель и я». С появлением в нашей жизни театрального кружка и беговых тренировок пришлось потесниться и дать место Тайлеру и Николасу. Потом были Лиам и Мика, Эдди Робак.

Я всегда могла прийти в кафетерий и подсесть к кому-то за столик и не впадала в ужас, когда учитель объявлял групповой проект. Мне никогда не приходилось в отчаянии искать, с кем бы поговорить.

Но с Джейни было совсем иначе. Я не боялась, что мысли в ее голове отличаются от тех, что отражаются на лице. Когда Донахью только приехали, мама сказала: «Оливия, тебе стоит зайти поздороваться». Я сделала это из вежливости — подошла к задней двери и крикнула: «Ю-ху!». Мне казалось, что как-то так и должны общаться соседи. Но как только эти звуки вылетели изо рта, я осознала свою ошибку. Так могла сделать разве что пожилая толстушка в фартуке — идеал приветливой соседки.

Джейни в бандане на голове распаковывала коробки в кухне, разрезая упаковочную пленку огромным столовым ножом. Серебристое лезвие поблескивало на свету.

— Кто там? — крикнула она.

— Привет. Я Оливия Данверс. Из соседнего дома.

Джейни встала и толчком открыла дверь с сеткой от насекомых. Она была примерно моего возраста — ну, может, на год младше. Джейни сдула прядь волос с лица, на котором отразилась озадаченность.

— Здесь что, всегда так разговаривают?

— Нет. Просто решила попробовать, — ответила я. Джейни кивнула, полностью удовлетворенная ответом, и открыла дверь шире, приглашая войти.

— Оливия Данверс, ты была мне обещана! — мрачным голосом произнесла Джейни, угрожающе взмахнув ножом. Мой взгляд, должно быть, метнулся к двери, поскольку Джейни издала короткий и даже слегка горький смешок. — Не волнуйся, ты не первая и не последняя, кого мои родители безо всякого стыда использовали, чтобы добиться желаемого. По сути, они просто наемники, карабкающиеся по трупам тех, кто не успел убраться с их пути.

— Джейни, прекрати.

В дверях кухни появилась миниатюрная коротко стриженная женщина.

— Не обращай внимания на очаровательный юмор моей дочери, Оливия. Риелтор просто сказал нам, что по соседству живет девочка одного

с ней возраста. Риелтора зовут Эдвард Макговерн, и, кажется, он знаком с твоей тетей. Так мило, что ты нас навестила.

На мгновение на лице Джейни промелькнуло сердитое выражение, и я подумала: «Это была очень плохая идея. Спасибо, мама. Спасибо, мама Джейни. Спасибо вам, все мамы мира, пытающиеся устраивать социальную жизнь своих детей».

Но затем ее лицо растянулось в улыбке, превратившейся в прерывистый смех.

— Извини. Мне иногда нравится пугать мать, делая вид, что я больше похожа на Бена, чем на Люси. Они близнецы, только она — лучшая ученица в истории, а он — социопат.

— Джейни, хватит! — Ее мать покачала головой. — Перестань называть сестру лучшей ученицей в истории.

— А она бы ею и стала. — Джейни наклонилась ко мне и поделилась первой из сотен тайн, которые нас ждали. — В нашем родном городе. А здесь придется все начинать сначала, и Люси просто рвет и мечет.

— А ты?

Джейни слегка улыбнулась сама себе, словно идя на какой-то компромисс, и сказала:

— Я только перешла в старшую школу — идеальное время для переезда. Меня не пришлось вырывать с мясом, как близнецов. — Когда она говорила таким нарочито веселым голосом, то была очень похожа на свою мать. — Ну и вдобавок теперь мы живем в этих хоромах. — Она обвела рукой обстановку вокруг себя. — В Нортхемптоне мы не могли позволить себе особняк.

Я впервые огляделась вокруг и по-настоящему рассмотрела обстановку. Всю жизнь я провела через четыре дома отсюда, но никогда не ступала дальше крыльца. Дом номер шестнадцать по улице Олкотт-Плейс одним своим видом говорил, что здесь должен жить кто-то знаменитый. Или обладающий сверхъестественными способностями. Это был особняк в викторианском стиле, с выступающими окнами и круглой башенкой, с тремя этажами, громоздившимися друг на друге, словно слои свадебного торта. Белый особняк с серой черепичной крышей и темно-зелеными ставнями — окрестные дома даже близко не соответствовали его величию. Отец говорил, что это делает его безвкусным — словно гость явился чересчур разодетым на домашнюю вечеринку. Но что он вообще понимает? Он оценивает дома по времени, которое требуется, чтобы подстричь лужайку.

Здесь не было мраморных колонн или статуй львов по обе стороны от крыльца, а если бы и были — никто бы не удивился, не подумал: «Что это здесь делают огромные пафосные львы?» Они были бы к месту.

Конечно, оглядывалась я поначалу исподтишка. Не хотелось, чтобы новые соседи думали, будто меня легко впечатлить. Но, назвав этот дом особняком, Джейни словно дала разрешение разглядывать дом в открытую. Вся кухня отделана мрамором или сияет металлическим блеском, а остальные помещения словно в церкви — сводчатые потолки и запах лака для мебели. Повсюду дерево — им обшиты стены, а более темные панели обрамляют потолок. Тяжелая раздвижная дверь между кух-

ней и столовой заставила меня задуматься о том, как, оказывается, красиво может смотреться кусок цельного дерева — глубокий ореховый цвет, завораживающая текстура. Окна у меня за спиной выше человеческого роста, сквозь затемненное стекло центрального окна падает солнечный свет.

Наверх вела винтовая лестница с толстыми деревянными перилами древесно-желтого цвета. В гостиной — раскрытый зев камина, а по бокам от него — еще два высоких окна. В углу стояли деревянные книжные шкафы до потолка, и мне вдруг страстно захотелось, чтобы за одним из них скрывалась тайная комната, которая откроется, если облокотиться на какой-нибудь стеллаж. Любая мебель в таком помещении покажется слишком маленькой, но я обрадовалась, что все было завешено белыми покрывалами — словно это замок с привидениями из комиксов про Скуби-Ду. Повсюду расставлены распакованные коробки и ящики, но вокруг пока еще царит пустота.

Джейни понравилась мне с первой секунды. Мне нравилась ее прямолинейность и то, как непредсказуемы были ее слова. Некоторые люди и понятия не имели, как мне тяжело рядом с ними, хотя мы знакомы много лет. А с Джейни мне было легко.

Но, по правде говоря, даже будь это не так, я бы все равно притворилась — хотя бы на первый день или, может, неделю. Я столько раз ходила мимо этого дома, выдумывая разные истории о нем, что считала дом на Олкотт, 16 в каком-то смысле и своим тоже.

И вот я вошла внутрь.

Глава 3

До того как в Гленнон-Хайтс приехали Донахью — до того, собственно, как они решили купить этот дом — на Олкотт, 16 жили Лэнсомы. Но я узнала о том, что они переезжают, еще до того, как дом выставили на продажу.

Моя мама и тетя Джиллиан засели на крытой веранде, устроив свои традиционные посиделки под названием «сангрия по субботам». Сангрия — это просто сок, смешанный с алкоголем, так что каждый раз, когда они это затевают, кончается тем, что тетя Джиллиан ночует в гостевой комнате. А в тот день она была в особенно расстроенных чувствах, потому что рассчитывала, что Лэнсомы обратятся к ней. Они с мамой учились в одном классе с доктором Лэнсомом и миссис Лэнсом, которую тогда звали Хелена Дейвенпорт. Девчонкой она круглые сутки торчала в доме у моих бабушки и дедушки.

Тетя Джиллиан работает в агентстве «Хаус Макс Риэлторс», но Лэнсомы обратились в другое место.

— В «Харрингтонс»! — фыркнула тетя Джиллиан.

— Ну, это весьма хороший участок. — Мама откинулась в кресле-качалке.

— Как будто наше агентство не занимается хорошими участками.

Мама приподнялась:

— Я не имела в виду, что...

— Мы же в Гленнон-Хайтс. Тут тонна хороших участков.

— И многие из них продаются через «Харрингтонс». Я бы не стала воспринимать это на свой счет, Джилл.

Тетя Джиллиан все на свете принимает на свой счет. Может, она даже самую свадьбу Лэнсомов так восприняла. Доктор Лэнсом довольно красив — широкоплечий и выглядит как герой мыльной оперы. Он хирург. А миссис Лэнсом — загорелая модница, вечно хохочущая над тем, как ее трое сыновей много едят и быстро снашивают одежду.

Их младший сын, Тэтчер, учится в старшей школе. Он такой красавчик, что даже немного слишком, у него словно на лице написано: «родители возят меня на сборы по водному поло». Я была потрясена, узнав, что они собираются переехать ровно в тот момент, когда он идет в выпускной класс.

Я постаралась произнести нарочито скучным голосом, словно участие в разговоре было для меня тяжкой обязанностью:

— С чего они вообще собрались переезжать?

Но мама с тетей Джиллиан продолжали болтать, словно не слышали меня. Тетя Джиллиан

жаловалась, а мама ее утешала и одновременно старалась напомнить, что ее существование — не единственная причина, по которой вращается земля или принимаются имущественные решения Лэнсомов.

Терпеть не могу «сангрию по субботам». Во-первых, я не могу позвать никого в гости, потому что тетя Джиллиан, спотыкаясь, слоняется по веранде. Но моя мама об этом не упоминает — она говорит, что ей, как и мне, хочется проводить время с подругами, а когда в доме слишком много гостей, становится шумно. Мне хочется ответить, что, конечно, будет шумно, особенно если один из гостей пьян в стельку, — но я не произношу этого вслух. Как и того, что у моей мамы на самом деле нет подруг — у нее есть только сестра.

Как-то раз мама сама слегка расклеилась и принялась серьезно и с чувством извиняться передо мной за то, что у меня нет сестры:

— Твой отец всегда твердо заявлял, что хочет только одного ребенка, но мне стоило быть настойчивее...

Я довольно быстро свернула тему, но вечером, лежа на своей высокой кровати с лестницей, представила на нижнем ярусе еще одну кровать. Я была бы более спокойной, более практичной, как моя мама. А сестра была бы смешливой, яркой, всегда готовой рассказать забавную историю. С другой стороны, если бы у меня и правда была такая сестра, это бы выматывало. Я бы полностью терялась на ее фоне.

А у Джейни были и брат, и сестра. Но, поскольку Люси и Бен были двойняшками, это совсем другая история.

— Даже когда они ссорятся, они все равно остаются в замкнутой системе, — рассказывала Джейни. — И их взаимная ненависть не выходит за ее пределы.

Это тоже было в те первые дни, когда она только поселилась по соседству.

В тот момент я не стала спрашивать, почему они ссорятся — не хотела перебивать Джейни. Она продолжала:

— Когда люди говорят о нашей семье, то обычно мы — это «близнецы и их младшая сестра». Как будто без них меня вообще не существует.

— Но ведь вы с Люси — *сестры!* — я произнесла это слово с придыханием, как всегда говорила моя мама.

— Люси так не работает. По сути, она жесткий диск в человеческом обличье. — Но тут голос Джейни стал мягче. — Впрочем, не всегда. Просто детство в одной упряжке с Беном разрушило ее жизнь. И, честно говоря, сложно винить ее за нежелание подстраиваться.

В каком смысле разрушило ее жизнь?

Джейни поерзала и принялась ковырять отошедшую краску на ступеньках заднего крыльца, где мы сидели. Затем наконец произнесла:

— Просто они полные противоположности. Люси не понимает, зачем вообще жить, если ты не идеальная. Ты еще увидишь. Ей всегда нужны самые лучшие оценки и первые места. Но по-